

Сергей Носов

ФИГУРНЫЕ СКОБКИ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Сергей Анатольевич Носов

Фигурные скобки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746604

Фигурные скобки: Роман. / Носов С.: Издательство К. Тублина

(«Лимбус Пресс»); Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-8370-0692-0

Аннотация

Прозаика и драматурга Сергея Носова не интересуют звоны военной меди, переселения народов и пышущие жаром преисподни трещины, раскалывающие тектонические плиты истории. Носов – писатель тихий. Предметом его интереса были и остаются «мелкие формы жизни» – частный человек со всеми его несуразностями: пустыми обидами, забавными фобиями и чепуховыми предрассудками. Таков и роман «Фигурные скобки», повествующий об учредительном съезде иллюзионистов, именующих себя микромагами. Каскад блистательной нелепицы, пронзительная экзистенциальная грусть, столкновение пустейших амбиций и внезапная немота смерти – смешанные в идеальной пропорции, ингредиенты эти дают точнейший слепок действительности. Волшебная фармакопоя: не фотография – живое, дышащее полотно. Воистину Носов умеет рассмешить так, что начинаешь пугаться своего смеха.

Сергей Носов

Фигурные скобки

© ООО «Издательство К. Тублина», 2015

©А. Веселов, оформление, 2015

Февраль две тысячи такого-то года (20** – кто бы запомнил порядковый номер?): это когда по обилию снега уже в январе побиты рекорды двух или трех десятилетий.

Вчера была пятница, будни прошли, а поезд идет, и в мозгу Капитонова формируются схемы обстоятельств момента.

Вот сам Капитонов. Минуту назад он покинул купе. Взрыв «Болеро», и он ищет по карманам мобильник.

А вот и московское время.

16:07

Это Оля, из оргкомитета.

– Евгений Геннадьевич, здравствуйте. Вас не может встречающий найти. Вы, собственно, где?

– Я, собственно, в поезде.

– А почему не выходите?

– Потому что еду.

На несколько секунд потусторонняя Оля лишается дара речи. Капитонов спокоен – к недоразумениям он готов. На электронном табло в торце коридора уже не время, а температура как есть: -11. Нормально. Не холодней, чем в Москве.

А в вагоне очень сильно натоплено.

– Простите, куда вы едете?

Очаровательно. Куда же он едет?

За окном промелькнуло двухэтажное строение с гигантскими сосульками, свисающими до земли. И снова – деревья, снег, деревья.

– В Петербург, Оля. В Санкт-Петербург.

– Но поезд уже прибыл давно. Вас встречают на вокзале.

– Вот как? Но мне еще полчаса до Ладожского вокзала.

Если по расписанию.

– Подождите, но почему до Ладожского?

– А до какого?

– До Московского?

– Оля, сосредоточьтесь! Вы мне вчера сами позвонили и сказали, что билетов на «Сапсан» нет, но, если я хочу успеть ко второму дню, можно еще заказать на проходящий поезд из Адлера. Вы забыли? Сел я на Казанском вокзале, не на Ленинградском, а выйду, судя по всему, на Ладожском, не на Московском!.. Трясусь я в душном вагоне все утро и весь день. Это не самый хороший поезд и это не лучший способ путешествовать из Москвы в Петербург.

– Простите, Евгений Геннадьевич, то была не я, другая Оля. Она вам перезвонит.

Дверь в купе открыта. На Капитонова глядят попутчики – дама, которую зовут Зинаида, и ее сын даун по имени Женя, взрослый уже. Зинаида смотрит сочувственно, а даун Женя – восторженно.

Проводница с веником в руке мимо проходит, она тоже слышала разговор:

– Не переживайте, скоро этот поезд отменят к чертям собачьим, вон вагон полупустой.

– А я и не переживаю.

Вошел, сел. Сидят. Едут. Теперь уже скоро.

– Я сначала подумала, что дочь позвонила, – говорит Зинаида.

Он уже пожалел, что рассказал ей о дочери.

Перед глазами Капитонова побежали черные буквы на белой стене – радикальный призыв к вооруженному восстанию. Потом – гаражи, что ли. Он никогда не приближал-

ся к Петербургу с этой стороны. Ладожский вокзал открыли за несколько лет до того, как уехал он в Москву из Питера. Он только один раз был на Ладожском – когда они с женой встречали дочь из летнего лагеря. Ей тогда было одиннадцать.

Зинаиде жалко попутчика:

– Жалко, говорю, вам поспать не пришлось.

– Ничего, – говорит Капитонов.

Большую часть дороги не общались – от самой Москвы, где он сел, то есть подсел – к ним, уже едущим, и до почти что Окуловки. А четвертого пассажира в их купе не было. Сын ее всю дорогу играл за столиком костяшками домино, а Капитонов лежал на верхней полке, глядел в потолок, предельно близкий, и делал вид, что миропорядок устроен по разумным лекалам. Три часа назад, перед Окуловкой, он, скорее от скуки, чем по необходимости, отправился в вагон-ресторан, где, обнаружив себя единственным посетителем, съел бифштекс и выпил сто грамм коньяка, который и не коньяк во все, да ладно. А когда вернулся, соседка по купе, эта улыбочивая дама с усталым лицом, принялась потчевать его домашним пирогом, настоятельно уговаривая разделить с нею и сыном купейную трапезу. И тогда Капитонов сделал ей первое признание: он только что пообедал. Потом она несколько раз спрашивала его: «И куда мы все это денем?» А он отвечал: «Возьмете с собой». В общем, общались. – Зина. – Евгений. – Можно было бы «Евгений Геннадьевич», как он

обычно представляется в начале семестра студентам (и что есть правда), но он сказал «Евгений» (тоже ведь не солгал), и Зинаида обрадовалась: «Видишь, как бывает, – сказала она сыну дауну. – Мы с тобой едем, а не знаем, с кем. Дядя Женя, твой тезка». Сын ее, радостно просияв, протянул вдруг руку, чем удивил Капитонова, но тем и ограничился, что растопырил пальцы, – рукопожатие слабеньким получилось, одно-сторонне капитоновским, однако достаточно убедительным, чтобы порадовать Зинаиду. Словно что-то между ними случилось такое. Капитонов узнал, что едут они из Липецка к сестре Зинаиды, что Зинаида хочет показать сыну Санкт-Петербург и что у сына есть мечта – увидеть «кораблик». Он действительно много раз повторял слово «коаблик». «Дядя Женя видел коаблик?»

Капитонов много раз видел этот кораблик – на шпигеле Адмиралтейства.

Бог даст, увидит еще.

Зинаида рассказывала о себе, о муже, с которым они развелись, когда Женя родился, и который работал на металлургическом комбинате, и о прочем таком, до чего Капитонову не было дела, и он не слушал, но в какой-то момент он почувствовал необходимость высказаться самому, и он тогда сделал ей второе признание – в том, что бессонница у него и не спал две ночи. «Так мы разве мешаем?» – «Вы тут ни при чем», – сказал Капитонов, потому что в его признании не было никакого намека (равно как никакого смысла). «Так

чего же не спите?» Он ответил: «Не получается». А она на это сказала: «То-то вы нервный, я посмотрю».

А теперь она говорит:

– Какая музыка у вас энергичная!

Движением пальца он прекратил «Болеро», которое очень понравилось Жене, мечтающему увидеть кораблик.

Оля – «другая»:

– Евгений Геннадьевич, это я с вами вчера говорила, это я вам заказала на адлерский поезд, а наши все перепутали, послали машину не туда, на Московский вокзал, вы простите, но мы вас уже не успеем встретить... сможете без нас?

Все к лучшему. Он сам вчера просил не встречать. Это же их идея была – непременно встретить его на перроне. Он без вещей, только сумка, и он представляет, что такое метро.

Оля-другая воспарила духом:

– Слушайте, вы такой молодец, вы правильно сделали, что не приехали к открытию, тут такие события, сами увидите, а я сейчас расскажу, как доехать до гостиницы, вам надо...

Не надо. Он знает.

Оля, то есть вчерашняя Оля, «другая», чем-то сегодня взволнована сильно, говорит очень быстро, почти захлеб, а тут еще этот мост – Финляндский железнодорожный – и слова ее подавляются грохотом. Даун Женя привстает, чтобы лучше рассмотреть белую реку. Широка Нева и вся подо льдом.

Капитонов разбирает лишь отдельные слова и среди них –

«архитектор». А потом опять Оля говорит «архитектор». И он понимает, что «архитектор» – это к нему.

Поезд медленно идет по мосту, грохоча. Капитонов почти кричит:

– Я не архитектор, я математик!

– Кто математик?

(Вот это сюрприз!)

– Я – математик!

– Коаблик! Коаблик! – волнуется Женя, хотя никакого коаблика нет и быть там не может.

Мелькают перекрестья ферм Финляндского моста.

– Оля, вы кого и куда пригласили? Того ли человека и на ту ли конференцию?

– Подождите, я перезвоню.

– Отлично, – говорит Капитонов.

Правый берег. Замедляется ход – уже скоро. Ждать не пришлось:

– Евгений Геннадьевич, да что вы меня пугаете, все правильно, вы математик, архитектор не вы, другой, вас только двое сегодня приедет, и я немножко запуталась, просто подумала, что это он математик, ну а вы архитектор, так что все хорошо, не думайте, приезжайте, мы разберемся...

Убрав мобильник, делает первые приготовления – натягивает на себя свитер. За окном промзона сочетается с новостройками. Капитонов недоволен собой. В миру называть себя математиком он избегает. Сказать о себе «я математик»

примерно, как «я поэт» или «я философ». Чтобы так сказать о себе, надо себя ощущать поэтом или философом преимущественно. Капитонов не ощущает себя преимущественно математиком. Если спрашивают, он говорит о себе «преподаю математику» и чаще всего добавляет: «гуманитариям». В этой стране многие считают математику бесполезной наукой. Вот он и дает понять, что занимается чем-то бессмысленным. Да так и есть. Гуманитариям она совсем не нужна. Он в этом уверен.

Зинаида собирает Женю, укладывает костяшки домино в коробочку. Не глядя на Капитонова – словно хочет спросить: почему ж вы, голубчик, сразу в том не признались? – роняет: – Так вы математик?

Едешь так с человеком, душу ему изливаешь, веришь тому, что он сам говорит про свое сокровенное, а потом выясняется, что он и не человек вовсе, а инопланетянин.

– На математическую конференцию, значит?
(И звучит это как «на инопланетянскую».)

Капитонов приглашен далеко не на математическую конференцию (и уж тем более не на инопланетянскую). Но пусть будет так.

– Да, на математическую, – врет. – А что?

Да нет, ничего. Не врач, не шахтер, не химик-технолог. Зинаида ему тут в дороге понарасказывала о себе всякого, он с ней тоже был вроде бы откровенен, а теперь оказалось, такой исключительный факт утаил – он математик.

Но, во-первых, он уже давно не математик – в строгом значении этого слова, а во-вторых, почему он должен всем объявлять, что он математик?

Про себя он и так много наговорил. Про себя – когда проехали Малую Вишеру час примерно назад (и это было третье признание Капитонова): как он с дочерью вдрызг рассорился, как после гибели жены у него наперекосяк все с дочерью получается. Он даже зачем-то сказал, куда именно вчера его дочка послала, это родного отца (Зинаида всплеснула руками). Не ожидал от себя такой исповедальности. Не в правилах Капитонова откровенничать перед чужими. Как впрочем, и перед своими. Как и перед собой, впрочем. Это нервное все, это все от бессонницы. Он для того и согласился в последний момент на эту необязательную конференцию, чтоб из дома убежать, сменить обстановку. И зачем это все он ей говорил? Неужели сто грамм, в ресторане принятые, так язык развязали? Не могло же этого быть. А может быть, это тезка даун своим присутствием так подействовал на Капитонова, что созрел Капитонов за Малой Вишерой поддержать Зинаиду откровенным признанием своих отцовских проблем. Будто стало бы ей легче, узнай она о чужих трудностях. Или это он своим трудностям захотел выбрать нужный масштаб – чтоб они помельчали с другими в сравнении? Фу, как плохо повел себя Капитонов. Он позволил себе быть утешаемым, и кем? – и теперь, видя, как Зинаида, близко к сердцу принявшая его проблемы, помогает своему

взрослому сыну справиться с пуговицами на полушубке, он корится своей не нужной никому откровенностью.

Капитонов всегда знал о себе, что математик из него заурядный, – и за это он говорит спасибо своему психотипу. Капитонов склонен переживать всякое, прокручивать в голове ситуации жизни или, наоборот, прятаться от них за другими опять-таки ситуациями, – и чем дальше живет Капитонов, тем хуже у него с абстрагированием, – мозг его недостаточно холоден.

16:39

– Согласно расписанию, – равнодушно констатируют за плечом Капитонова точность прибытия поезда, тогда как проводница (дверь открыта уже) стремительными движениями вниз-вверх протирает поручень тряпкой.

Среди встречающих на перроне Капитонов безошибочно угадывает сестру Зинаиды. Выходят – и он попадает в силовое поле чужого родства: там обнимания, там возгласы, там поцелуи, – но это уже все за спиной Капитонова: двигаем дальше.

После духоты вагона морозный воздух кажется ледяным, и это даже неожиданно в отсутствие снега, – данный пространственный промежуток защищен от февральского неба козырьком-крышей, зимние одежды не выглядят убедительными, так что, если бы кто-то сторонний смотрел на перрон,

как зритель в кино, его бы в том, что зима, убедило единственное: облачка пара на выдохе – такое ни в каком кино не подделаешь.

С первым же облачком пара улетучилась мысль о фараоне Хеопсе.

Еще в школьные годы Капитонов прочитал где-то, что, совершая вдох, мы будто бы, согласно статистике, вдыхаем в себя хотя бы одну молекулу из предсмертного выдоха фараона Хеопса, и это так его поразило, что запомнилось на всю уже взрослую жизнь, хуже того – великий фараон стал навязчивым образом: вспоминается каждый раз, когда выходит Капитонов из теплоты на мороз, – впрочем, и забывается тут же.

Последний раз он был в Петербурге четыре года назад, на похоронах Кости Мухина. Но тогда было лето.

Сколько в Питере проезд на метро? Да, здесь жетоны. Он уже забыл, как выглядит питерский метрожетон. Очередь в кассу подходит, и, купив сразу четыре – впрок, он их загребает из окошечка вместе со сдачей, в которой преобладают похожие на жетоны десятирублевые монеты. Легко перепутать.

Что и происходит – он перепутал.

Закономерная заминка у турникета. Рука по московской привычке готова прислонить к мишени валидатора (Капитонов знает, как называется эта штука) пластиковую карту-билет, да только нет у него карты в руке, – он опускает жетон,

а на самом деле – по несобранности – десятирублевую монету, и не может понять, почему турникет отвечает ему возвратом этого кругляка. Опыт повторяется с тем же результатом. Капитонов дергается и переходит к соседнему турникету и бросает уже другую десятирублевую монету в щель турникета, ждущего законный жетон, – потом озирается по сторонам (здравствуй, город поребриков, парадных и булок в значении белого хлеба!), и глаза его встречаются с глазами полицейского.

Он не ошибся: жест отойти в сторону относится к нему.

Их, собственно, двое. Просят предъявить паспорт.

– Я из Москвы, – говорит Капитонов, невольно обособляясь от остальных пассажиров с южного направления, валом валящих через турникеты и не вызывающих подозрений.

– А почему не на Московский вокзал?

– Потому что на Ладожский.

– Но на Московский удобнее.

– Возможно.

– Москва – столица нашей Родины, – задумчиво сообщает полицейский своему напарнику, раскрыв паспорт на странице с регистрацией места проживания (им обоим, должно быть, скучно). – Цель поездки, если не секрет?

– Конференция, – отвечает Капитонов. – А в чем дело, собственно? Наше государство уже полицейское? Или я что-то не так?

– Вы себя неадекватно ведете. И что же это за конферен-

ция? Можете не отвечать.

– Учредительная, – отвечает Капитонов, исключительно потому, что прозвучало «можете не отвечать», и более того – предъявляет приглашение на бумажке, полагая, что это его избавит от прочих объяснений.

– Ух ты! – говорит полицейский. – Знакомая конференция.

– В самом деле? – не верит ему Капитонов. – Вы в курсе?

– Это которую взорвать хотели, – показывает полицейский другому полицейскому капитоновское приглашение.

– В смысле? – не понимает Капитонов.

– И в смысле, и в курсе, – отвечает на все сразу первый, тогда как второй полицейский уставился на приглашение, как на диковинку. – Так вы не слышали в новостях?

– Кто взорвать хотел? – Капитонов совсем сбит с толку.

– Да такие же шутники вроде вас.

– Такие же фокусники, – добавляет второй, и оба они почему-то смеются.

Возвращая бумагу, отпускают, напутствуя – устами первого:

– Берегите себя.

Капитонов возвращается к турникету.

16:58

Сообщенное полицейскими возбуждает в голове Капито-

нова столь сумбурные мысли, что, правильнее сказать, Капитонов не думает. А когда не думает Капитонов, у него думается само – не по делу, без пользы, для него самого незаметно. Глубина, на какую погружает его эскалатор, это синус тридцати на длину эскалатора, то есть длина пополам, о чем и думать не надо: понятно и так. Взгляд привычно цепляет во встречном восходящем потоке лица, ну если не точно красавиц, то хотя бы претенденток на звание мисс эскалатора. Сами подсчитываются – ряд за рядом – светильники. По мере спуска: 21. Итого, с учетом расстояния между ними и тридцатиградусного наклона – глубина, получается, 50 метров с хвостиком.

Но это все – просто так – между прочим. Мисс эскалатора он назначил первую, с буйно-рыжими волосами, вьющимися из-под меховой шапки. В остальном встречный эскалатор не радовал глаз.

В Москве односводчатых станций нет почти, а эта в Петербурге огромна. В торце расположились погреться бомжи: до них не доходят ни блюстители порядка, ни работники местных подземных служб. Да и у Капитонова нет необходимости идти в тот конец перрона.

До отъезда в Москву петербургское метро по сравнению со столичным представлялось ему пределом простоты и изящества, – теперь он должен разбираться с линиями и переходами. Держится в вагоне за поручень и смотрит на изображение схемы метро, отягощенное рекламой какого-то банка.

Убеждается в необходимости пересадки. Вот еще эскалаторное: там, когда он спускался, женский голос предупреждал об «участившихся случаях несанкционированной торговли с рук», – теперь вагонный продавец являет себя во всем совершенстве: деловит, энергичен, хорошо поставленный голос. В руке у него полиэтиленовый пакет, набитый товаром. Судя по тому, что он сейчас звонко и бодро выкрикивает, эти носки не простые.

– Термоноски российского и белорусского производства!.. Сами регулируют температуру ног и уменьшают трение при ходьбе!.. Продаю по отпускной цене производителя – 50 рублей за пару без торговой наценки!..

Капитонов единственный в вагоне, кто замечает присутствие продавца.

Продавец, со своей стороны, издали заметил, что пятьдесят рублей уже один очарованный извлек из кармана. Он ускоряет шаг в правильном направлении.

– Я не спрашиваю, как уменьшается трение, мне интересно, зачем, – говорит Капитонов, протягивая продавцу деньги. – Зачем надо уменьшать трение при ходьбе?

– Для безопасности шага и ощущения повышенной комфортности стоп, – не моргнув глазом, отвечает коммерсант, вручая носки Капитонову.

Не ангел ли это, персонально явленный Капитонову? Ну, ведь не может же быть такого, чтобы ни одна душа не взглянула на продавца термоносков: слышал ли его кто-нибудь,

кроме Капитонова, видел ли?

Двери открываются, и продавец термоносков покидает вагон.

17:47

Портье-блондинка, девушка в униформе с шелковым галстуком, разговаривает по телефону за стойкой ресепшен – поворачивает лицо на вошедшего Капитонова, и он читает в ее глазах, вместо приветствия, «у нас проблемы». О природе проблем гадать не надо. Проблема персонифицирована в образе единственного клиента. У него длинные, зачесанные назад седые волосы, лет ему на вид за пятьдесят, а вид одежды, что на нем, поддается лишь определению от противоположного: это не шуба, не тулуп, не пальто, не куртка. Не халат, не кольчуга. За спиной у него не то чтобы рюкзак, а котомка на плетеной тесьме.

– Да, да, – говорит девушка за стойкой ресепшен, – не хочет вообще называться... Нет, паспорт не показывает. Сказал, нет паспорта. И отказывается заполнять бланк... Так я то же самое говорю. А он не слушается...

Легкий запах прелости, неожиданный для данного места, заставляет Капитонова отступить хотя бы на шаг от клиента. Он достает паспорт и кладет его на стойку – это пустяковое действие, не означающее ничего иного, кроме готовности к регистрации, замечено человеком-проблемой – на его

и без того неприветливом лице появляется гримаса напускного отвращения, тогда как девушка за стойкой, не прерывая разговора, наоборот, одобряюще кивает Капитонову, мол, вы молодец, все правильно, и говорит в трубку, по-видимому, своему начальнику:

– Сейчас придет администратор из их оргкомитета, я звала, пускай сами разбираются... Простите, он хочет вам что-то сказать... – И теперь уже этому, чья рука почти дотянулась до трубки: – Возьмите.

Капитонов, достав бланк из коробочки и не теряя времени, приступил к заполнению. Он слышит:

– Здравствуйте, я Архитектор Событий!.. Именно так, Архитектор Событий, и никак иначе... Нет, я приглашен под этим именем, в списке участников я обозначен так, и мне нет никакого дела до правил вашей гостиницы!.. Я не Сидоров, не Рабинович, не Миклухо-Маклай, не Джордж Вашингтон, я – Архитектор Событий... Не испытывайте мое терпение!.. Нет, нет и еще раз нет!.. Не дождетесь!.. И я никого не буду ждать, не надейтесь, что буду!.. Мне жалко вас!.. Да, вас персонально! – с этими словами он возвращает девушке-портье трубку и говорит: – Дайте мне мой чемоданчик!

– Мы не выдаем чемоданчики.

– Я знаю, что чемоданчик у вас за стойкой. Я предупрежден.

– Сейчас придет человек из вашего оргкомитета и даст вам чемоданчик.

– Мне некогда ждать. Я требую чемоданчик.

– Повторяю. Чемоданчики выдает оргкомитет вашей конференции, а мы вообще не имеем отношения к вашим чемоданчикам!.. Мы просто разрешили их оставить за стойкой.

– Тем хуже для вас!

Он резко разворачивается и направляется к выходу.

– Да подождите же, сейчас придет администратор вашей конференции!..

Но Архитектор Событий уже за дверью.

– Ох-хо-хо, – произносит девушка.

– Сочувствую, – говорит Капитонов, заполняя учетный листок. – Сектант какой-то.

– Участник конференции, – отвечает портье.

– Я тоже участник.

– Попадаются и адекватные.

– У меня есть фамилия, мне скрывать нечего.

– Сейчас узнаем какая, – портье раскрывает паспорт Капитонова и говорит: – Капитонов.

– Капитонов, – соглашается Капитонов.

– Евгений Геннадьевич, – говорит девушка.

– Если с отчеством, да, – отвечает Капитонов на это.

– Есть! – Она нашла его фамилию в списке. – А что я неправильно сделала?.. Вы же сами все видели?.. Потому что бронируем под какими-то кличками, а потом...

– Он так и значится в списке... Архитектор Событий?

– Ну. Там их трое – под кличками. Те двое хотя бы с пас-

портами были...

В холл со стороны лестницы быстро входит представительница оргкомитета. Согласно бейджику – Ольга Матвеева.

– Здравствуйте. Это вы? – обращается она к Е. Г. Капитонову с видом представителя персонала, способного решить любую проблему. – Как добрались? Что-то не так? Не волнуйтесь, мы все уладим...

– Здравствуйте, Ольга, но...

– Он только что ушел, – перебивает его блондинка за стойкой.

– Куда?

– Туда. Сказал, что мы все пожалеем.

– О, черт! – и Ольга из оргкомитета устремляется, в чем есть, без верхней одежды, на мороз, на улицу, но тут же возвращается. – Как он хоть выглядит?

– Да вы сразу поймете, – отвечает портье.

– Желтый зипун, – выкрикивает Капитонов, но вряд ли Ольга Матвеева слышит его, оказавшись за дверью.

– Только не зипун, – возражает портье задумчиво. – Что угодно, но не зипун... Распишитесь, пожалуйста. – (Капитонов заполнил бланк, но забыл расписаться.) – Номер 32, третий этаж. Завтрак с половины седьмого до десяти. Курение в номере запрещено.

– Больше ничего не запрещено?

– Почитайте правила, вы же расписались, что ознакомле-

ны.

– Говорят, у вас что-то взорвать сегодня хотели? – взяв ключ, любопытствует Капитонов.

– А вы бы у своих спросили, они лучше расскажут. У нас летом футбольные фанаты останавливались, как-то с ними спокойнее было.

Ольга возвращается с улицы, на кофте снежинки, сама себя обнимает за плечи.

– Да не буду я за ним гоняться! Вернется – звоните мне сразу. В крайнем случае, на частной квартире поселим.

– Да уж как-нибудь так, – говорит за стойкой.

– А вы – Капитонов? – догадывается Ольга. – Евгений... Геннадьевич? Наконец-то... Очень глупо с поездом получилось, это я вам звонила. Помните?

Капитонов давно уже сообразил, что она одна из двух Оль, и он уже знает, которая.

Которая назвала его архитектором, когда поезд шел по мосту.

– Вы меня за *этого* приняли?

– Тяжелый день, – говорит Оля. – Просто вы последние оба и в одно время оба приехали...

– А вы всех встречаете?

– Нет, конечно. Водоёмов просил вас обязательно встретить.

– Меня?

– А этот из Петрозаводска. Он сам. С ним все очень слож-

но... Да! Вам же надо чемоданчик дать... – Она ныряет за стойку и достает черный чемоданчик, меньше обычного кейса. – Вам как участнику. Документы конференции и тому подобное, разберетесь...

– Архитектор тоже просил, я не дала, – отзывается блондинка за стойкой.

Ольга Матвеева берет карамельку из вазы:

– Успокаивает. Я уже вся на взводе. Вам на какой? На третий? Ну, идемте, нам по пути, – уводит Капитонова к лифту.

На левом плече у Капитонова сумка, в правой руке – чемоданчик, он не тяжелый. Капитонов оборачивается, но блондинка-портье смотрит не на него, а куда-то в бумаги. Боковым зрением Капитонов считывает ухмылку с губ своей сопроводительницы.

Лифт не торопится подчиниться вызову. Ждут.

Ольга Матвеева ниже его на полголовы, она немного сутулится, есть что-то птичье в ее выражении лица, – чтобы просто так ее не разглядывать, задает Капитонов вопрос:

– А что за история с бомбой?

– Какая-то скотина позвонила в полицию и сказала, что зал заминирован. Вот и вся история. Совещание сорвано. Весь день насмарку. Так что вы ничего не потеряли. Все – завтра.

– Кому это надо?

– Значит, кому-то надо, – говорит Ольга. – Если бы этот Архитектор Событий утром приехал, все бы решили, что это

он. Ему повезло.

– Мне тоже, – говорит Капитонов.

– Ну, на вас бы вряд ли подумали.

– А каких событий он архитектор?

– Знаете, это не я его приглашала. Мое дело встретить гостей.

Лифт снизошел: раздвигает снисходительно двери. Потом размышляет, стоит ли их закрывать. Все-таки лифт в чем-то сакраментальное место – здесь не разговаривают, а кнопки, являясь традиционным объектом разглядывания, исключают своим обыденным видом возможность даже обыденных мыслей. Оба молчат и не думают, пока не выходят на третьем.

– Вам туда, а мне в тот конец коридора. Если хотите оперу послушать – в семь на втором этаже, специально для делегатов. Концертное исполнение. Но, я подозреваю, вы спать ляжете. Плохо выспались, да?

– Как-то не очень. А где здесь аптека?

– Бессонница? Зачем вам аптека?

– Что-то меня в Москве сильно заклинило.

– А я подумала, из-за поезда... Лучше выпейте рома, в мини-баре найдете... И вот: что касается чемоданчика... Там среди прочего сувенир – волшебная палочка, ну просто палочка, деревянная, вроде талисмана, увидите... Не пугайтесь, это шутка. Тут, как оказалось, не все понимают шутки, так что я предупреждаю на всякий случай. А то мало ли что

подумаете...

18:15

И никакая не дремота, а просто отсутствие мысли, хотя, может быть, он и потух на секунду-другую, стоя под душем. Мысль о ее же собственном отсутствии возвращает Капитонова к реальности, он вспоминает, что хотел бы уснуть, и выключает воду.

У Капитонова есть небольшая фобия: в гостиницах он не оставляет зубную щетку в стакане у раковины. Это повелось после давнего разоблачительного репортажа одной журналистки, устроившейся ради скандала в пятизвездочный отель горничной. Она утверждала, что горничные в силу сверхплотного графика физически не успевают мыть раковины по науке и для быстроты используют зубные щетки клиентов. Капитонов этому скорее не верит, чем верит, но зубную щетку в пластиковом футляре с тряпочной подкладкой внутри всегда убирает в свою дорожную сумку.

Нина как-то сказала ему, что он весь состоит из фобий. К счастью, это не распространяется на еду. Но всю сознательную жизнь он избегает первых вагонов. С некоторых пор (что скрывает особенно тщательно, даже Нина так и не узнала об этом), взрослым уже, после того случая с маленькой Анькой, он стал опасаться вида крови – нет, не самого вида крови, а своего малодушного опасения, что при случае будет

ему по-детски нехорошо: Капитонов, например, игнорирует фильмы, обещающие богатый кетчуп и клюквенный сок. Это при том, что в школе он, да и в университете тоже, слыл забиякой. Однако в школе же, когда на уроке истории еще в пятом классе чопорный Кирилл Сергеевич поведал им о децимации в римской армии и, к слову, еще о не столь древних подражаниях древним римлянам (в их классе расстреляли бы троих – причем силами остальных товарищей), он на несколько месяцев стал чураться в быту числа 10 – основы всей позиционной системы, если выступать в защиту десятки. Но – «десятка» автобус, номерок номер десять к зубному врачу... Не потому ли обрек себя на математику Капитонов (иногда он подумывает об этом), что бессознательно хотел избыть остатки подростковой своей децифобии?

Этот номер при всей его скромности странным образом богат зеркалами. Ладно в прихожей и ванной, но в комнате – и зачем тут их целых три зеркала? Капитонов не любитель собой любоваться и отнюдь не счастлив этой возможностью – даже лежа на кровати лицезреть, повернув голову, часть себя самого, на кровати лежащего.

Ну так вот, идея была если не выспаться, то прикорнуть. Только ясно, что уже не уснет, и дело не в телевизоре (переключает каналы), а в личном опыте переживания этой тяжелой бодрости, что только и ощущается по-настоящему, когда уже лежишь на кровати.

К тому же, звукоизоляция. Сюрприз.

Сначала Капитонову кажется, что за стеной кто-то храпит. Не рановато ли? – прислушивается Капитонов. Это не храп. Это кого-то душат. Он бы предпринял что-нибудь, но отказывается верить своим ушам. И правильно. Попытки вызвать рвоту – вот что это там такое за стенкой.

Капитонов изумлен. Он делает погромче звук телевизора. Передают новость о любовнице видного еврочиновника, предъявившей крупный иск таблоиду.

И тут же в стену стучат.

– Пожалуйста... звук!.. – хрипит из-за стены сосед, с трудом сдерживая тошноту.

Капитонов не хочет связываться с больным человеком и выключает совсем телевизор.

– Спасибо...

Капитонов прислушивается недоверчиво к тишине: жив ли тот за стеной? Никаких признаков жизни больше не слышно. (Но жизнь ли это, когда тебя выворачивает?)

Капитонов открыл чемоданчик.

Брошюрки, файлы с программными документами. Проект Устава. Блокнот для записей, набор шариковых ручек. Книжица о тайной жизни памятников этого города – сувенир. Еще сувенир: волшебная палочка.

Если бы Ольга не сказала, что в чемоданчике волшебная палочка, Капитонов бы и сам это понял, потому что на полиэтиленовом чехольчике, в который помещен объект, наклейка со словами «ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА».

На самом деле это обыкновенная палочка из китайского ресторана – юмор, по-видимому, в том, что обычно в комплекте две таких палочки, и они для еды, а тут одна, и, следовательно, для чего-то другого. Капитонову предлагают ощутить себя Гарри Поттером. Ему представилось, что за ним сейчас наблюдают и ждут реакции – улыбнется ли он хотя бы. Капитонов не улыбается, ему не кажется, что это забавно. Однако что-то заставляет его взмахнуть палочкой из китайского ресторана – интересно, все ли участники конференции так поступают с палочкой, как сейчас Капитонов, и не говорят ли некоторые из них при этом какую-нибудь абракадабру?

Капитонов убирает в чемоданчик волшебную палочку и достает брошюру с реестром участников. Каждому посвящена отдельная страница. Портрет и слова представления.

Первым предьявлен человек с чеховско-звездной фамилией Астров. (Наверное, псевдоним, думает Капитонов.) «Астров, Александр Аскольдович. Микромаг широкого профиля. Лауреат премии “Золотая воронка”. Член Международной академии микромагов и магов». Капитонову не нравится улыбка Астрова, ее дезавуирует надменный взгляд. Он перелистывает страницу и вместо портрета следующего участника конференции видит его условный заменитель – схематичное изображение головы и туловища, заключенное в рамочку. После событий у стойки ресепшен удивляться нечему: «Архитектор Событий». И далее одно только сло-

во: «дистанционист». Что оно означает, Капитонов, пожалуй, способен если не понять, то хотя бы смутно почувствовать: что-нибудь с дистанционным управлением, нет? – да и пускай, еще не хватало над этим ломать голову, – зато он практически сразу отмечает нарушение алфавитного порядка: Архитектору Событий, строго говоря, надо было бы опередить Астрова. Скорее всего, составители справочника не захотели начинать с лица без лица, а что там у этого лица с лицом... наверное, то же, что и с фамилией.

Далее Капитонов переходит сразу к букве К и обнаруживает Капитонова.

У него все сжалось внутри. Этот снимок сделала жена два года назад, когда они ездили в Турцию. Как он мог попасть в брошюру? Но тут же вспомнил, что сам и посылал еще в декабре, когда к нему обращались из оргкомитета.

«Капитонов, Евгений Геннадьевич. Математик-менталист. Двузначные числа».

Он улыбнулся. «Математик-менталист» – оказывается, это так называется. А что должны подумать коллеги, прочтя: «двузначные числа»?

Он впервые их мыслит «коллегами», до сих пор они были для него элементами абстрактного множества. Он с интересом листает брошюру и узнает про «коллег». Большинство из них «микромаги». У некоторых указана специализация: «микромаг-спичечник», «микромаг-зарукавник»... Очень много магистров – просто «магистров», а также «ма-

гистров салонной магии» и им подобных. Несколько человек обозначены как «шулеры-виртуозы», причем двое из них тоже «магистры». Есть пара «гипернаперсточников». Кроме Архитектора Событий, Капитонов обнаруживает еще двух других «дистанционистов». Это некие Господин Некромант и Пожиратель Времени. Более человекообразных имен в их случае не приводится, зато в отличие от Архитектора Событий эти двое представлены фотографиями. Пожиратель Времени – болезненно худ, у него впалые щеки. Господин Некромант, он и похож на некроманта.

Звонок стационарного телефона заставляет Капитонова подняться с кровати.

– Как доехали, Евгений Геннадьевич? Водоёмов беспокоит. Не помешал?

– Добрый вечер, – отзывается Капитонов, не рискуя назвать Водоёмова по имени-отчеству (не уверен, что помнит...). – Спасибо, все хорошо.

– Настроение боевое? – спрашивает Водоёмов.

– Вполне, – отвечает Капитонов. – А что, предстоят сражения?

– Евгений Геннадьевич, я сижу внизу, в ресторане. Не хотите ли чашечку кофе? Покумекаем, познакомимся очно. А то что ж мы все так – по переписке?

– Да, конечно, спасибо, я приду.

Перед тем как выйти из номера, он обратился к реестру – нашел в брошюре Водоёмова: так и есть – Валентин Львович.

Нет, только не кофе, вот чай зеленый – пожалуй.

– Расстройство сна? – сразу же догадывается Водоёмов.

Сидят за столиком в гостиничном ресторане.

Капитонов не намерен распространяться о своей бессоннице.

– Вы, надеюсь, на меня не сердитесь за то, что выдернул вас из уютного номера? Вы, может, оперу хотели послушать? Ко второму действию успеваете, первое, считайте, уже пропустили.

– Нет, нет, я не ценитель опер.

Официантка принесла фарфоровый чайник.

Капитонов замечает: если чайник перевернуть крышкой вниз, доньшком кверху, и обратить к себе носиком, лицо Водоёмова найдет с ним некоторое сходство. Унылый нос, округлые щеки, резкое завершение лба, словно Водоёмов стоял на голове целыми сутками. Волосяной покров головы представлен исключительно маленькими прямоугольными усиками, словно под нос Водоёмову приклеили кусочек изоленты. При этом у него очень живые глаза и цепкий взгляд.

Возможно, в бане голый Водоёмов мог бы сойти за массовика-затейника, но здесь в черном строгом костюме, бордовом жилете, под который заправлен узкий фиолетовый галстук, он выглядит почти лордом.

– Так все-таки, Евгений Геннадьевич, как оно все у вас? – интересуется Водоёмов. – Как успехи, Евгений?

– На успехи не жалею, Валентин Львович. Все хорошо.

– Понятно. Не удивлены, что вас пригласили, Евгений Геннадьевич?

– Удивлен.

– Чернолес лично за вас был. Он настоял, а предложил я. Потому что мне о вашем номере Крупнов рассказал. Помните Крупнова?

– Да, он выступал на турбазе, мы там встретились в октябре.

– Он-то ладно, он-то с кольцами выступает. Ловкость рук, как говорится. А вы, значит, головой, мозгами непосредственно, так получается? Очень он был впечатлен. А нашего брата удивить трудно.

– Ну, там общий стол был, – вспоминает Капитонов прошлогодний эпизод. – Ваш Крупнов подсел к отдыхающим, я и показал фокус. Так, по-любительски.

– Профессионально, значит, не выступаете.

– Нет, конечно. Так, иногда в компании за столом.

– А за столом тоже профессионально можно. Это даже очень распространено сейчас. Микромагов на корпоративы только так приглашают. Именно за стол, в компанию.

– А, так это и есть «микромаги»? Раньше это как-то по-другому называлось...

– Престидижитаторы... Но что-то не привилось, похоже.

А «микромаги» – само с языка прыгает. Молодым, знаете, не хочется престиждитаторами быть, не престижно, им и не выговорить такое, вон вы тоже слово забыли... а вот микромагами они все хотят. Это уже вовсю. Давно. Но мы ведь не только они, микромаги-престиждитаторы, мы-шире, шире... Так вы, значит, числа задуманные отгадываете?

– Двухзначные.

– Вы ж математик?

– Так, читаю лекции гуманитариям... А что до фокуса, тут нет никакой особой математики.

– Как же нет, если номер математический? Или как? Вы мне покажите, продемонстрируйте. Можете сейчас?

– Легко. Число задумайте, двухзначное.

– А трехзначное уже нельзя?

– Двухзначное. С трехзначными не выходит. Можно еще до десяти, но тогда надо числа задумывать как телефонные номера – 07, 09... Двухзначные проще, понятнее.

– Согласен. Задумал.

– Прибавьте девять.

– Секунду. Прибавил.

– Отнимите семь.

– Отнял.

– Вы задумали 36.

– Неплохо. Очень неплохо. А зачем складывать и отнимать? Впрочем, что я спрашиваю. Это ваш секрет.

– Да тут нет секрета, просто без этого не получается.

– Наверное, потому, что я с картами работаю. Вы же знаете, что мой основной профиль – игральные карты? Поэтому, да?

– Что – поэтому?

– 36. Потому что в обычной колоде 36 карт. Не я задумал 36, это у меня у самого задумалось.

– Мне никто не говорил, что вы с картами работаете. Откуда ж я знаю, с картами вы или с кроликом из цилиндра.

– В основном с картами. Кролики – это другой жанр. Хотя, знаете, я и с мышами работаю. У меня Зюзя все карты различает. Все до одной! Как-нибудь увидите Зюзю. Давайте еще разок. Я задумал.

– Прибавьте восемь.

– Ага, теперь уже восемь.

– Отнимите два.

– Отнял.

– 54.

– Потому что полная колода с двумя джокерами. Я опять подставился.

– Вы любое число к картам притянете.

– Черт! Это номер! Идеомоторика, все ясно.

– Да нет, тут что-то другое.

– Да у меня на лице все написано. Вы просто читать умеете. Буду за ширмой, и ничего не получится.

– Получится.

– А вот мы проверим... Договорились? Но... Ближе к де-

ду, коллега. Я хочу, чтобы вы были с нами, а не с теми шаромыжниками, которые рвутся в гильдии к власти. Запомните: Чернолес, и никто другой. Держитесь его. Он – наша партия. И мы должны во что бы то ни стало избрать президентом нашего человека. Если придет к власти человек Юпитерского, нам всем конец. Это для гильдии катастрофа. Вы посмотрите, кого они наприглашали. Вы уже видели это? – он достал из чемоданчика брошюру со списком участников конференции. – Это же наперсточники! Вагонные шулеры! Читайте: «Мастер побеждает при любом раскладе карт»! Как вам нравится? «Мастер». Я сам с картами работаю, и я умею отличать шулера от иллюзиониста. И так во всем! Карманники переквалифицируются в микромаги-манипуляторы. И они еще претендуют на особые секции в нашей структуре! Знаете, как спустят корабль на воду, так он и поплывет. Как учредимся, так и заживем. Тут каждый голос важен. Вот почему я с вами здесь. Могу я на вас рассчитывать?

– Так у вас тут сложно все... Я даже не думал.

– И не думайте. Ваш конек – ментальная магия. Вам о ненужном думать не надо. За вас уже все продумано. Вы только меня держитесь и не верьте никому. Только мне, ну, и через меня – Чернолесу.

– Ментальная магия, говорите? Это так называется?

– Ну, а что же еще? Ментальная магия. А если подойдут и обрабатывать будут, с кем дружить, против кого голосовать, вспомните мои слова: никому здесь верить нельзя, только

мне и через меня Чернолесу.

– Я посмотрел список делегатов. Есть необычные... мягко сказать.

– Как раз больше обычных. А кто необычные?

– Некромант какой-то...

– Господин Некромант, – уточняет Водоёмов. – Это как раз наш человек, он правильно проголосует...

– Пожиратель Времени...

– Ну, вы дистанционистов называете, – произносит Водоёмов, скривив рот набок. – Там еще третий есть, тоже сегодня приехал.

– А я его видел. Он отказался регистрироваться на ре-сепшн.

– Вы видели, куда он ушел?

– На улицу.

– А куда на улицу? Мы его потеряли.

– Не знаю, просто ушел.

– Моя креатура. Некоторым не нравится, что я их пригласил. Ну, и как он вам?

– По-моему, сумасшедший.

– Дистанционисты все с тараканами...

– Тоже микромаги?

– Наоборот, макро. Но мы все... и они, и вы, и я, и прочая наша братия... мы все нонстейджеры... Вы, конечно, знаете, кто такие нонстейджеры?..

– Кто?

– Не знаете?.. Приехали на конференцию нон-стейджеров и не знаете? Сами нонстейджер и не знаете?

– Так я еще и ноне... нонсенс... тей?..

– Нонстейджер. Кому надо минимум оборудования или вообще не надо – нонстейджеры. Микро- они или макромаги, не важно. Те же менталисты, например. Вот вам ведь не надо особого оборудования? Если, конечно, не иметь в виду черепную коробку?..

– Не уверен, что и черепная коробка нужна.

– Ну, мы с вами еще разберемся. Счет, пожалуйста, – позвал он официантку.

– А что у вас было с бомбой сегодня? – спрашивает Капитонов.

– Бомбы не было, а была противоправная попытка сорвать конференцию. Но мы легко не сдаемся. Кстати, после оперы будет ужин – лучше поздно, чем никогда. Так вы сходите ко второму акту, успеете. Прямо в гостинице представление. Уже поют, наверное.

– Что-то не слышу.

– В конференц-зале представление. Второй этаж.

– Мне бы поспать.

– Там и поспите.

– Хорошо бы. А вы пойдете?

– Нет, я в театр не хожу. И в цирк тоже.

– А как опера называется?

– «Калиостро».

– Не знаю такую.

– Камерная. Для участников конгресса.

– Так это конгресс или конференция?

– Какая разница. Вам не все ли равно?

– Это про того самого Калиостро?

– Наверное. А вы других знаете? Культурная программа не по моей части. Что-то тематическое. Все-таки наш человек.

Официантка, подойдя, не успевает положить папочку на стол – Водоёмов в мгновение ока папочку выхватывает у нее из руки и, не вынимая счета, что-то ловко отправляет под корочки, и тут же папочку возвращает.

Ошеломленная такой быстротой официантка несколько секунд стоит окаменело перед отвернувшимся от нее Водоёмовым – потом, спохватившись, поворачивается и уходит в сторону стойки.

– Послушайте, – говорит Капитонов, глядя в зеркало на удаляющуюся официантку, – почему здесь так много зеркал? У меня в номере – перебор.

– Один из владельцев отеля – концерн «Невский зеркальщик».

– Ах, вот оно что... Но все равно не понимаю, какой смысл в моем одном голосе? Или вы всех так... обрабатываете?

– Обрабатываю только вас, потому что вы последний. Остальные, кто надо, уже все обработаны.

Официантка с папочкой снова здесь, вид у нее обескура-

женный.

– Извините, – обращается она к Водоёмову, который, впрочем, на нее и не смотрит, – но тут не деньги...

– А что? – не поворачивая головы, спрашивает Водоёмов.

– Карта...

– Африки?

– Нет...

– Европы?

– Нет... игральная карта...

– Пики?.. Крести?.. Буби?..

– Шестерка червей... – лепечет официантка и показывает открытую папочку Капитонову, потому что Водоёмов по-прежнему глядит в сторону.

Капитонов действительно видит шестерку червей.

– Закройте, – нехотя произносит Водоёмов. – Дайте сюда.

Это что?

Взвесив на ладони папочку, он кладет ее на стол, так и не открыв.

– Зачем вы меня за нос водите, – говорит Водоёмов, – там все как надо.

Официантка открывает папочку и видит вместо шестерки червей тысячу рублей одной бумажкой. Да и Капитонов, призванный в свидетели, видит то же самое.

– Без сдачи, – поднимается Водоёмов. – Идемте, коллега.

– Как это? – восхищенно спрашивает официантка.

В холле Водоёмов не торопится прощаться с Капитоновым. Он ведет его к стойке ресепшен. Выясняется, что Архитектор Событий так и не возвращался.

– Секундочку, – говорит Водоёмов и достает телефон. – Оленька, я тут внизу с Евгением Геннадьевичем Капитоновым, у него расстройство сна, а сосед у него за стенкой в номере сама знаешь кто. Вряд ли он выспится. С другой стороны, Архитектор наш так до сих пор и не оформился. Нельзя ли Евгения Геннадьевича перекинуть в номер Архитектора, это этажом ниже?.. Ну, почему же... Появится Архитектор, как-нибудь с ним разберетесь... Да?.. Неужели так сложно?..

Он с недовольным видом выслушивает какие-то возражения, потом говорит:

– Но мы можем Евгения Геннадьевича в компенсацию за все его страдания хотя бы отправить в Москву не поездом, а самолетом?.. А резервный фонд, Оля?.. Нет, я имею в виду черную коробочку... Так ты загляни... Нет, дорогая, ты сначала загляни, а потом говори, что пустая... Да, прямо сейчас.

Он убрал телефон.

– Пожиратель Времени и Архитектор Событий, к сожалению, не могут жить на одном этаже, но надеюсь, вы не боитесь летать самолетом?

Пожали друг другу руки. Водоёмов вышел на улицу.

20:01

20:01 показывает электронное табло над стойкой ресепшен. Капитонов пытается сообразить, откуда это Водоёму известно о беспокойном соседе. Возвращаться в номер и слушать, как там за стенкой блюют, Капитонов и в самом деле не хочет. Между тем время – подходящее для антракта. А вдруг правда антракт?

Он поднимается на второй этаж и сразу же убеждается, что угадал: это антракт.

Двери в зал открыты, немногочисленная праздная публика бродит по холлу, поглядывая на рыбок в аквариумах и на то, что висит на стенах.

Капитонов, не долго думая, входит в зал.

От зала, который назван Большим, он ждал больших размеров, – тем заметнее, что большинством делегатов конференции культурное мероприятие бойкотируется. Капитонов садится с краю в последнем ряду, отсюда он видит только затылки уже разместившихся зрителей. Лица он видит лишь тех, кто входит в боковую дверь, – все-таки он не настолько хорошо рассматривал снимки в брошюре, чтобы теперь узнать хоть кого-нибудь из входящих в зал. Хотя почему же: вот определенно микромаг Астров, тот, чья улыбка на снимке нивелировалась его же надменным взглядом. Теперь лицо Астрова выражает покой и бесстрастность. И вообще они

входят в зал с отрешенными лицами. То ли готовят себя к продолжению встречи с высоким искусством, то ли первое действие так их ошеломило.

Все расселись, и гаснет свет.

На сцене двое молодых людей в одеждах явно не восемнадцатого века. Он сидит на стуле и смотрит в зал, а она за его спиной щелкает ножницами, изображая завершение стрижки.

На ней короткая синяя юбка в белый горошек, футболка, и она босиком. А в чем он, Капитонов не обращает внимания – в чем-то серо-спортивном.

Она говорит:

– Ничего. Самой понравилось. Не бойся, я чуть-чуть. Теперь ты такой же, как месяц назад... ну, ты помнишь, когда...

Он отвечает:

– Если придерживаться устойчивой терминологии, можно сказать, что сегодня у нас завершается медовый месяц.

Она:

– Дурацкое название. И ничего не завершается...

Освободив его от простыни, заправленной за ворот, она говорит:

– Пойди посмотри в зеркало.

Он отвечает:

– Лишнее. Я тебе доверяю.

– Иди в ванную, – говорит она, – не ленись, посмотри в

зеркало.

– Пойду и увижу протечку на потолке? Сегодня не такой день, чтобы наблюдать, как с потолка вода капает...

Однако встает и отходит в сторону, делая вид, что вошел в ванную посмотреть на себя в зеркало. Она тем временем набирает на старом телефонном аппарате номер и вызывает водопроводчика.

Никто не поет.

Не похоже на оперу.

– Во-до-про-вод-чик, – подает он голос как бы из ванной. – Нам это слово приелось, а ты послушай: оно звучит возвышенно, почти величественно: во-до-про-вод-чик!

Она ему говорит:

– У меня иногда появляется ощущение... что мы совершенно несамостоятельны... Будто принадлежим какому-то причудливому миру, кем-то придуманному...

Капитонов решает, что это современная опера. С элементами драмы. Еще запоют.

– Не знаю, как насчет самостоятельности, – задумчиво произносит герой, – но мы действительно в значительной мере придуманы. Ты придумываешь меня, я – тебя, нас – допустим, Гриша, которого в свою очередь придумала Ася... Мы все придумываем друг друга, воображаем. Это естественно. Мы, разумеется, есть, но главное не то, какие мы есть, а то, какими мы друг друга видим, воображаем...

– И в результате оказывается, ты плод воображения неко-

его водопроводчика.

Капитонов, чтобы посмотреть на чью-либо реакцию, оглядывается, забыв, что он на последнем ряду.

Между тем актеры на сцене говорят о любви. Она спрашивает:

– Почему, если влюблюсь, всегда авантюристом окажется?

А он ей объясняет, что дельце, которое он затеял (по-видимому, в первом акте), вовсе не авантюра. На это она говорит:

– А я иногда себя грабительницей банка представляю. Врываюсь в маске Санта-Клауса: всем стоять!.. Это ограбление!.. Лежать, кому сказано!.. Ни с места!

И он тогда тоже кричит, как бы включаясь в игру:

– Руки на затылок!.. Никому не двигаться!.. Убери руку от этой кнопки, твою мать, ненормальная!..

Никакой кнопки на сцене нет.

Капитонов, хоть лиц не видит зрителей, все же понимает, что они не испытывают беспокойства. Они видели первый акт, а Капитонов еще не врубился. Вполне возможно, еще запоют, и даже, наверняка, появится Калиостро.

Третий, постарше, появляется на сцене – явно не Калиостро. Он держит шахматную доску, он размышляет вслух:

– Сильный ход. Задачку надо обдумать...

Она:

– Господин музыкант!..

Он поправляет ее:

– Композитор.

– Господин композитор, хотите, я вас постригу?

Из дальнейшего Капитонов догадывается, что композитор живет у этих молодых людей, потому что потерял ключи. А сейчас он зачем-то направляется в садик.

Капитонов передвигается по ряду на два места и, наклонившись вперед, спрашивает у ближайшего зрителя:

– Это не опера?

Тот отвечает:

– И не балет.

Капитонов откидывается на спинку кресла. Ну-ну.

– Питаю глубокое уважение ко всем, кто теряет ключи, – говорит героиня. – Я отца уже забывать начинаю, мне семь было, когда он утонул. А с мамой у меня... ну не знаю, как назвать наши отношения... Идеальные. Просто идеальные какие-то. Даже самой иногда страшно становится, как у меня с ней все хорошо...

– Редкий случай... А что с ключами?

Капитонов закрывает глаза, потому что героиня явно собирается рассказать какую-то историю, а голос у нее обнадеживающе убаюкивающий.

– Меня вообще не должно быть на свете. Я благодаря случайности родилась. Если бы папаня не трескал водку с хорошими людьми в нужный час и не потерял бы ключи, тью-тью, не было бы на свете Ан-желиночки... Некоторых по пьяному делу зачинают, а меня по пьяному делу в мамкином животе

сохранили. Я своим рождением папиной пьянке обязана. И потере ключей.

– Чёй-то загадками говоришь, – замечает ее партнер, повторяя невольную мысль Капитонова.

Далее Капитонов слышит с закрытыми глазами:

– Не хотели они меня, вот и вся загадка. Ну, не меня лично, а вообще... Со мной лично все в полном порядке оказалось... когда я родилась. А тогда мама в клинику легла, от меня избавляться. А к папе приятели пришли домой, стали они водку пить. Потом кто-то спрашивает: а где Алёна твоя, на работе, что ли? Ну, папа и сказал, на какой работе. В больнице – аборт делает. Мужички говорят, а на хрен ты ее в больницу отправил, пусть рожает, говорят. Зачем тебе аборт?.. Совсем охренел? Дети – цветы жизни, дети – это здорово!.. Забирай ее нахрен скорее!.. Он, ребята, поздно, говорит, поезд ушел. Да ничего не поздно, балда. Берем такси и поехали!.. Нет, говорит, надо было раньше. Давайте лучше выпьем за Алёнино здоровье и за вас, и за счастье всех существ на земле, и за тех, кто в море... и кто не в море... В общем, допили они все что было, стали приятели домой собираться, он с ними в дверях прощается, проводить хочет, и тут выясняется, что нет у него ключей. Потерял. Говорит, надо к Алёне за ее ключами ехать, а то как же я без ключей... Дядя Жора дома остался, подежурить. А дядя Петя и мой папаня поймали такси и поехали в клинику. Приехали в клинику, вызвали мамку мою вниз, она прямо в халате спус-

кается. Что случилось, в чем дело? Они пьяненькие, задиристые. Ничего не случилось, ключи потеряли, дай твои. А потом переглянулись: это ж судьба. Ладно, все отменяется, мы за тобой. Раз дело такое. Хвать ее, в чем была, и в такси. Еще бы чуть-чуть, и было бы поздно. Вот и все. Домой привезли. А на другой день папаня мой в больницу за вещами ездил, уже протрезвевший. Ключи, кстати, в другой куртке лежали.

– Мама рассказала? – словно за Капитонова, спрашивает героиню ее партнер.

– Мне – мама, а ей – дядя Жора и дядя Петя, ну, и папаня мой... не дал соврать. Мне – когда мне семнадцать стукнуло, разоткровенничалась, поведала тайну рождения. От избытка чувств. Любит она меня очень. Не представляю жизни без тебя, доча. На самом деле мне надо не день рождения отмечать, а день спасения от аборта. День спасения. Я прикидывала, когда: где-то в конце апреля, весной. Это просто чудо, что я есть.

– Здорово.

– Я тоже думаю, здорово.

Ничего, ничего, неплохая история, думает Капитонов, чувствуя, что еще не спит и что вряд ли уснет, но, однако же, с закрытыми глазами продолжает по-прежнему слушать.

– Слушай... О чуде, – говорит герой и вдруг начинает заводиться со все возрастающей пылкостью. – Я иногда задумываюсь о своем возникновении – мурашки по коже!.. Отца в юности ножом пырнули. Дед воевал, ранен был в голову...

Да и у каждого предка наверняка что-то было такое... Но я о другом, не о биографических обстоятельствах... А просто! Вот их сто миллионов. И все они устремляются к цели. А достигает только один. Один-единственный!..

– Ты про кого?

– Про сперматозоиды.

Капитонов открыл глаза.

Ничего нового. Двое на сцене. Они говорят.

Он – продолжая:

– И только благодаря этому конкретному сперматозоиду получаюсь исключительно я. Не кто-то еще, а именно я! Опереди его другой, любой из ста миллионов, был бы тогда мой двойник, ну как бы брат, с той же наследственностью... ну как бы если близнец – такой же, как я... но не я!..

– Опередил бы другой, и ты был бы не ты? Ты уверен, что не ты?

– Конечно. Смотри: пусть будет их два! – подняв руки, он показывает указательные пальцы. – Пусть оба достигли цели – одновременно, вместе... Получились у нас близнецы. Это Вася, это Боря, – он показывает на две чашки, вставленные одна в другую, подцепляет пальцами за ручки, разъединяет, ставит на стол по отдельности. – Они разные люди? Конечно, разные! А если первым пришел этот, – показывает левой рукой на левую чашку... – тогда получился только Боря, а Васи нет! А если того обогнал второй, – правой рукой показывает на правую чашку... – Кто получился? Вася! А Боря

не получился!.. Значит, конкретный человек своим воплощением обязан успехам конкретного сперматозоида, верно? Допустим, зачатие все равно б состоялось, но какова вероятность того, что зачатым оказался бы я – не такой же, как я, а именно я?.. Ничтожнейшая вероятность!.. Ты поняла? Я на пальцах тебе объясняю.

– На сперматозоидах.

– Я уже молчу про яйцеклетку... Для того, чтобы образовался я, именно я, который перед тобою сейчас руками размахивает, должны были встретиться две определенные клетки, клеточки... фитюльки... фиговинки... только те две и никакие иные – из несметного числа им подобных!.. А если учесть то, о чем ты рассказывала... все эти биографические казусы... что же получается тогда?.., что-то вообще невыносимое!.. Все эти войны, эпидемии, аборт, несчастные случаи... ранние смерти несостоявшихся родителей – это все против нас, все против нас, индивидов – реально воплощенных людей!.. Нам практически невозможно никому воплотиться!.. Понимаешь, Анжелинушка? Ты не возможна. И я не возможен.

– Но ведь мы родились. И все рождаются.

– То, что люди рождаются, это нормально, ничего в этом странного нет. Удивительно другое: то, что среди этих родившихся есть ты, есть я, есть, скажем, Ася, которая сейчас на лыжах съезжает с горы, есть Гриша, которому она вложила спинкой кресла и которого прогуливает в саду компози-

тор... Легче холодильнику выпрыгнуть в окно, чем тебе или мне появиться на земле! Вероятность нашего появления – практически нуль! Чудо, натуральное чудо!

– А мы еще умудрились встретиться!.. – восклицает она.

У Капитонова волнуется телефон в беззвучном режиме. А тут вдруг музыка и какие-то вспышки на сцене. Выход рядом: Капитонов раз – и выходит в фойе.

Это Марина звонит.

20:42

– Женечка, здравствуй, родной, только не говори, пожалуйста, что ты не в Питере.

– Откуда ты знаешь, Марина?

– Да про ваш съезд весь день по новостям передают. Из-за вашей бомбы дурацкой... Это не ты учудил?

– Я?.. Я только вечером приехал, ничего еще сам не знаю. А кто тебе сказал, что я делегат?

– Сама догадалась.

– Нет, этого быть не может.

– Ну, тут вас перечисляли... по специализации... Сказали, что есть даже отгадыватель чисел. Я сразу решила, что ты.

– Отгадывателей и без меня много. Я еще вчера утром сам не знал, что поеду.

– Много или мало, но я оказалась права.

– Чудо какое-то. Тут как раз про чудо сейчас говорили...

Слушай, так ты как живешь?

– Приезжай, увидишь. С мужем познакомлю. Ты где сейчас?

– А хрен его знает, где. На опере.

– В Мариинке?

– Да нет, в гостинице... Что-то камерное... клубное. На оперу не похоже. Говорят прозой и про сперматозоиды...

– Может, лекция?

– Нет, Марина, спектакль.

– Так ты все-таки где? Как гостиница называется?

Он сказал как. Назвал улицу.

– Ну, так тебе ехать совсем ничего.

Объясняет ему – куда и на чем.

– А ведь и не позвонил бы даже. И не вспомнил бы.

– Марина, я приехал только что, говорю же тебе...

– Ладно. Только не покупай ничего. Все есть.

Капитонов убрал телефон.

Оля-вторая (та самая) спускается по лестнице.

– Евгений Геннадьевич, как хорошо, что вы здесь. В Москву полетите самолетом. Билет на четырнадцать пятьдесят один в понедельник. Устраивает? Или хотите остаться?

– Нет, спасибо, во вторник мне на работу. Оля! Вы знаете! Что там показывают? Это же не опера «Калиостро»?

– Отменили. Спектакль «Чудо, что я» называется, драматический. Тоже про фокусы и чудеса... Вам не понравился?

– Мало видел, мне надо идти.

21:20

Выход на улицу закрыт, потому что с крыши сбивают сосульки. Выпущенный во двор Капитонов идет мимо котельной. Мотыльками снежинки мечутся под фонарем. Серый кот перебегает ему дорогу.

Место здесь определенно кошачье, здесь их кормят, дворовых. Пахнет чем-то варено-колбасным и почему-то капустой.

21:32

Вот Капитонов, и вот он едет в маршрутном такси. Сейчас в этом городе данный транспорт, узнал Капитонов, называется «тэшки» – в честь буквы Т, предваряющей номер маршрута. Не приживется. Раньше не так называлось, но это когда Капитонов был еще сам петербуржцем.

Окна замерзли. Догадаться по окнам, что там Петербург, трудно, но только тому, кто не знает, в каком городе едет.

Едва ли не каждый занят своей электронной игрушкой. Иные посредством этих устройств сообщаются с кем-то. Даже водитель говорит за рулем (он на своем языке), даже те, кто в проходе стоит, говорят, – говорит, и достаточно громко,

почти половина автобуса. Так ведь та же картина в Москве.

Достаёт Капитонов мобильник: нет ли пропущенных сообщений? Спам в четырех образцах. Предлагается мебель, продажа квартир, приз поехать в Анталию, что-то еще. Отчего-то ему показалось, что обязательно будет от Аньки. Дочка молчит. Хорошо, и мы помолчим.

Рядом с ним, не обращая внимания на фактор живого соседа, громко щебечет, думать надо, студентка. Убеждает кого-то не верить их общей знакомой. Хочешь не хочешь, а не слышать нельзя:

– Вы с ума сошли! Не вздумайте верить, она всех обманет! Ни в чем ей не верьте. И тебя тоже обманет! Она же такая! Ты не знаешь, мы на осеннем выезде играли в «правду», короче... ну, и кто-то ее попросил назвать число. Короче, сколько было партнеров. Знаешь, сколько сказала? Тринадцать! Ну, ведь это ж смешно. Зачем так врать откровенно? Все же поняли, что она уменьшает. Нет, есть, конечно, для кого и такое ужас-ужас, я понимаю, но мы, мы же знаем ее, мы же все в теме. Короче, она поняла, что ей никто не поверил, ей стало стыдно, что так лажанулась, что поймали на лжи... так ты думаешь, она как повела? Созналась в обмане?.. Как же!.. Если б созналась, мы бы, может, простили вранье, так она же, короче, стала оправдываться... будто она чуть ли не в церковь ходит давно... В общем, стыдоба, просто стыдоба... Представляешь? Не надо ей верить. Обманет.

Капитонов встает и боком к проходу, и по проходу про-

бирается к двери.

22:09

– Евгений, – представляет Марина Капитонова мужу, а Капитонову – мужа: – Тодор.

И с наигранной гордостью:

– Настоящий бельгиец.

– Но не Пуаро, – показывает Тодор пальцем на отсутствие усов, щекоча себя под носом.

Капитонов не замечает акцента.

Настоящий бельгиец – крупный брюнет. Покойному Мухину противоположность.

– Моя мама болгарка, мой отец из Брюсселя. Штаб-квартира НАТО. Капуста. Кружево. Пиво. Моментально вспомнен контекст.

Надо ли Капитонову рассказывать о своих родителях?

– Короче, русский, – заключает Марина.

– Укороченный русский, – подхватывает Тодор.

– Почему это ты укороченный?

– Ну как же? Кто-то из ваших сказал: широк русский человек, надо укоротить.

– Там, по-моему, было «сузить».

– Неважно.

Болтовня продолжается в комнате.

– Женя тоже в Бюсте работал, – сообщает мужу Марина.

– В бюро статистики, – отзывается муж, давая понять Капитонову, что понимает жену.

(В Бюсте, вместе с Мухиным – тоже.)

Над чем работает он сам, Тодор начинает рассказывать, открывая бутылку болгарского красного (гость отказался от водки): он работает над... Но тут Капитонов уже не уверен, что за поприще это – пищевая промышленность, медицина, пиар? Задав по ходу рассказа вопрос, Капитонов понял, что лучше не спрашивать: настоящий бельгиец чересчур обстоятелен. Что-то связано с кисломолочным напитком, традиционно производимым в одном из горных районов Болгарии, где еще в позапрошлом веке было отмечено большое число долгожителей. В свое время этим кисломолочным напитком заинтересовался профессор Мечников, лауреат, между прочим, Нобелевской премии по медицине – большую часть исследований он провел в Париже, в Пастеровском институте, где, кстати, хранится урна с его прахом.

– За встречу, – предлагает Марина.

Когда рассказывает Тодор, она смотрит чуть в сторону, на ту часть стола, на которой салфетки в подставке, и лицо у нее ничего не выражает, кроме напряженного ожидания.

Русский Тодора настолько чист, что готов в нем выдать нерусского. Но возможно, Капитонов льстит себе, желая показаться самому себе проницательным.

Йогурт (с ударением на втором слоге в соответствии с новой нормой русского языка и исторически правильным (что

Тодор умудрился, к слову, отметить) произношением), производимый на Западе, совсем не йогурт. Как и производимый в России по западным технологиям. Нельзя забывать, что писал Мечников о молочных микробах и их пользе. Мечникова интересовала проблема естественной смерти. Это когда у организма, пресыщенного жизнью, притупляется страх смерти, и тому в известной степени способствует правильное питание.

Тодор сам говорит:

– За здоровье.

Капитонову странно, что не может понять, серьезен ли Тодор или это он столь изощренно маскирует иронию.

Нравится ли Капитонову Петербург, интересуется настоящий бельгиец.

– Я отсюда уехал не так давно.

– Да. Мне это известно. Но заметны ли изменения, хотелось бы знать.

– Сосульки, – отвечает Марина за Капитонова.

– Что поделать, такая зима! – восклицает Тодор. – А не скучаете? Москва – не Санкт-Петербург.

– Нет времени, а то бы, конечно, погулял по городу.

– Скользко, скользко! Все ноги ломают. Вон Татьяна Игнатьевна сломала шейку бедра!

Капитонов не спрашивает, кто такая Татьяна Игнатьевна. И Марина не говорит. Марина просит его рассказать о конгрессе. Капитонов рассказывает в двух словах, как он сам

понимает смысл того, чему участником ему случается быть, но не может ответить на вопрос Тодора о Копперфильде – он не знает, почему давно ничего не слышно о Копперфильде.

– В таком случае я вам сам расскажу.

Рассказывает.

Если верить Тодору, в Соединенных Штатах фокусы патентуются с обязательным условием публикации секрета через семь лет. Годы триумфа прошли, и теперь патенты вывешены в интернете. Тодор читал на английском, изучал, разбирался, он все теперь знает.

– Ну и как же ему удавалось летать? – спрашивает Марина. – Он же правда летал?

Тодор объясняет: с помощью сверхкрепких тончайших волоконных нитей и особым образом вращающихся полуколец. Или просто колец – Капитонову не интересны секреты Копперфильда.

– А вы, значит, умеете отгадывать двузначные числа? Я могу загадать?

– Извольте, – говорит Капитонов.

– Да, загадал.

– Но только двузначное! – вмешивается Марина.

– Заинька, я понимаю.

– Прибавьте двенадцать, – говорит Капитонов.

– Да, – отвечает Тодор.

– Отнимите одиннадцать.

– Да.

Капитонов задумался.

– Или я ошибаюсь, или – десять.

– Да.

– Десять?

– Да. Да.

– Не помню, чтобы кто-нибудь загадывал десять. Наименьшее из двузначных.

– Тодор минималист, – говорит Марина.

– Нет, я не минималист. Можно еще?

– Нельзя, – говорит Марина.

– Почему же нельзя? Конечно, можно, – разрешает Капитонов.

– Нельзя. Хватит.

– Да почему же?

– Второй раз может не получиться.

– Ерунда, получится. Ну а если и не получится, то что?

– Женя, – отвечает Марина, – знаешь, почему я с детства не люблю жонглеров? Мне наплевать, сколько они предметов подбрасывают. Но мне некомфортно ждать, когда кто-нибудь хотя бы раз промахнется.

– Ладно, – говорит Тодор. – Вы фокусник, а я спорщик. Спорим, что если вы мне дадите тысячу рублей, я вам дам пять тысяч рублей.

– Охотно верю. Зачем спорить?

– Вы верите тому, что я дам вам пять тысяч, если вы мне дадите одну?

– Но вы же так сами сказали.

– И вы мне поверили?

– А почему я должен не верить?

– Подождите. Вы хотите сказать, что я идиот?

– Солнышко, Женя не говорил такого.

– Кто кому спор предлагает? – спрашивает Капитонов. –

Вы мне или я вам?

– Так мы спорим? Дайте мне одну и получите пять.

– На что спорим?

– На что хотите. На рубль.

– Женя и Тодор, пожалуйста, прекратите.

– Вот вам тысяча.

– Спасибо. Я не могу дать вам пять тысяч. Значит, я, к сожалению, проиграл. Возьмите свой выигрыш, – он отдает рубль.

– Этот детский спор описан в книге Гарднера «Математические развлечения», я читал еще в седьмом классе.

– То есть вы все-таки хотите сказать, что я идиот.

– Солнышко, Женя не говорил этого. Отдай ему деньги.

Тодор пытается вернуть тысячу, но Капитонов брат не желает.

– Никаких возвратов. Я победил и честно заработал рубль.

– Не валяйте дурака. Вот ваша тысяча. Забирайте. Это шутка была.

– Все по-честному, – упрямится Капитонов, – тысяча теперь ваша, причем тут шутки?

– Это был демонстрационный спор.

– Мы не договаривались.

– Зачем вы спорили, если знали, что проиграете?

– Так я как раз выиграл!

– Женя, – строго произносит Марина, – если ты не возьмешь деньги назад, я рассержусь.

– Прекрасно, – бормочет Капитонов, убирая тысячу в карман. – Меня лишают моей победы, – он кладет рубль на стол.

– Да, – говорит Тодор, забирая рубль.

Пауза из тех, что принято называть неловкими.

– Если честно, я забыл этот трюк, – говорит Капитонов. – Вспомнил по факту.

– Все хорошо, – отвечает Тодор. – Хотите анекдот?

Рассказав, без паузы заявляет:

– Прошу меня извинить. Рад знакомству. Мне рано вставать. Оставайтесь у нас – зачем вам гостиница?

Тодор выходит из комнаты, Капитонов смотрит на часы.

22:55

– Сиди! – протестует Марина против его попытки подняться со стула. – Ты же не торопишься. Ночуешь у нас. У нас комната свободная.

– Я его обидел?

– Нет. Ему действительно вставать рано. Он жаворонок. Это мы совы.

Без Тодора за столом стало как-то проще, спокойнее.

Капитонов отказывается ночевать – категорически.

– Буду всю ночь бродить по квартире, как привидение. Зачем это надо?

Марина говорит:

– Он тебе не понравился?

– Понравился. Почему не понравился?

– У меня все хорошо, ты не думай, – сообщает Марина.

– Я вижу, не думаю.

– Нет, правда, у нас все хорошо. – И добавляет: – Мухин был тоже зануда.

– Марин, я не спрашивал... я так и не знаю, что там с Мухиным в конечном итоге... Следствие и все такое...

– А ничего. Дело закрыли. Вопросов больше, чем ответов. До последнего времени хотела нанять частного детектива. Сейчас уже не хочу. Но во что я не верю, это в то, что он сам.

– Тогда на похоронах я чушь порол, ты уж прости.

– Да кто ж это помнит.

– Нина помнила.

– Ниночка... Видишь, как у нас с тобой все симметрично.

А я тогда так и не приехала, это ты уж меня прости.

Про Аньку спросила.

– У тебя есть фотография?

У него есть – в мобильном.

– Ой, красавица! Ой, принцесса!.. Я ее вот такой еще пом-

ню. С крокодиллом надувным. Она меня еще «тетя Малина» называла.

– Так ты и подарила ей крокодила тогда...

– Ну да.

– Она с ним на юге не расставалась.

– За детей, – Марина приподнимает бокал.

Чокнулись.

Отпив, Капитонов говорит:

– Что-то у нас не совсем хорошо получается.

– У нас... не совсем хорошо?

– Да нет, у нас с ней – у нее со мной, с ней у меня...

– Проблемы?

– Ссоримся без конца. Она меня, вероятно, считает деспотом. Что бы я ни спросил, покушаюсь на ее свободу, независимость, суверенитет. Я уже не спрашиваю ни о чем. С другой стороны, почему я должен не спрашивать? Я что – посторонний человек? Да она сама деспот!.. Ее все во мне раздражает, абсолютно все. Нет: бесит. «Меня это бесит!» – вот так она говорит.

– Слушай, что в тебе такого может бесить?

– Да всё! Почему я рожок для обуви не вешаю на крючок. Почему я ем быстро. Почему о присутствующих говорю «он» или «она». Почему чай покупаю в пакетиках. Почему я равнодушен... ко всему, к чему равнодушен... Ей, например, не нравится, что женщина, с которой я решил ее познакомиться, не снимает черные очки. Она не говорит мне, что не

нравится, но я ведь чувствую, вижу... Как будто у человека не может быть причин не снимать черные очки. Ведь могут же быть причины. Да и какое ей дело?

– Да уж, это не ее дело. А в чем причина?

– Вот и ты. Потому что у нее разные глаза, один – темно-карий, другой – голубой.

– Она это знает?

– Как же она может не знать, если это ее глаза?

– Нет, я про дочь.

– А должна знать обязательно? Я должен объяснять такие вещи? Ты это серьезно, Марина?

– Наверное, не должен... Но ты так рассказываешь...

– Чай покупаю в пакетиках... Уже говорил... Ем быстро... Да... Почему не другой, а такой... Со своими почему не борюсь недостатками...

– Слушай, не верю! Неужели она такой мозгоклюй?

– Это я мозгоклюй! По определению! Это она меня мозгоклюем считает! Знаешь, она меня стесняется. Она считает, что она дочь неудачника.

– Она так сказала?

– Нет, я сам знаю. Я знаю, что она так думает.

– Может, ты сам так думаешь – о себе?

– А с чего бы мне так думать? Я вообще об этом не думаю. Я только не хочу, чтобы она неудачницей была. А все к этому идет.

– Куда идет? Ей восемнадцать лет.

– Девятнадцать через неделю. Нет, Марина, ты ее не знаешь, она запрограммировала неудачницей себя – по жизни быть неудачницей. Университет она, не успела поступить – уже бросает, и здесь я бессилен. Практически бросила уже.

– А что так?

– Мне назло. Она все делает мне назло.

– Значит, ты в ее жизни занимаешь существенное место.

– Да – потому что мешаю ей жить.

– Так не мешай!

– А где я мешаю? Где?

– Откуда я знаю, где? Может, ты ее действительно достал своим занудством? Конечно, достал!.. Вы все такие!.. У нее кто-нибудь есть?

– Хороший вопрос. Кажется, есть. И насколько я понимаю, он женат.

– «Кажется», «насколько я понимаю»...

– Ну ведь она же мне не говорит ничего. Только смеется. Я что – против? Ей жить. Я одного не принимаю – неопределенности. Она знает, что я терпеть не могу неопределенности, что меня неопределенность изматывает, и нарочно так... Мне кажется, что нарочно...

– Я не поняла, вы вместе живете? Или она от тебя в отдельности?

– Скорее вместе, чем отдельно.

– Ну так разъехались бы, разменялись. Что-то мешает?

– Да ничего не мешает... Только как это? Надо заниматься

ЭТИМ КОМУ-ТО...

– Естественно. А он? Он-то что?

– А что он? Он ничего. Хуже – другое. Насколько я понимаю, он, мягко говоря, недоумок, бестолочь. Рано или поздно такого охламона жена от себя прогонит, и тогда моя дочь будет с ним уже без всяких двусмысленностей...

– Может, ты ревнуешь?

– Я тебя умоляю.

– Ну, как-нибудь по-отцовски?

– Марина, что ты говоришь? Она взрослый человек. У нее любовь. У нее своя комната. Я толерантен. Я не деспот. Но у меня может быть свое мнение. Которое, кстати, я не тороплюсь высказывать. Она и сама знает, что я думаю. И потом... Мне кажется, Маринушка, она думает, что я виноват в гибели Нины.

– Но ты ни в чем не виноват.

– Но мне кажется, что она считает меня виновником гибели ее матери, моей жены...

– Да мало ли что тебе кажется! Как ты можешь знать, что она думает?! Слушай, ты просто на себе зациклен. Ты же молодой отец, а как старый пень рассуждаешь...

– «Молодой отец», – усмехается Капитонов.

– А что, не молодой?

– Ну спасибо.

– Да пожалуйста. Я просто не понимаю, ты же психолог.

– Я психолог?

– Числа отгадываешь и не психолог?

– Только двузначные.

– И не психолог?

– Это не психология.

– А что? Арифметика?

– Никакая не арифметика.

– Телепатия? Так, что ли?

– Я не знаю что. Просто у меня получается. А как – не знаю.

– Но тогда ты должен знать, что о тебе думают другие. А ты ничего не знаешь, тебе только кажется. Странно. Мне вот кажется, что все, что тебе кажется, это ты сам накручиваешь.

– Я не собирался в Питер, у меня было приглашение на конференцию, но я решил не ездить, а потом, как Лев Толстой, – после вчерашнего... Ушел. Дверью хлопнул.

– Он дверью не хлопал. А что было вчера?

– Вчера мы поругались, я плюнул и поехал. То есть мы не ругались. Она меня просто послала.

– На конференцию.

– Можно и так сказать.

– Поздравляю. Боюсь, вы друг друга стоите.

– Я сказал ей, что после того как у нас не стало Нины, она взялась ее пародировать. И что не надо этого делать – пародировать покойную мать.

Я сказал, и она меня послала. По-моему, это не правильно.

– Не надо было говорить.

– Посылать тоже не надо.

Марина пожимает плечами.

– Мой любит щеголять поговорками. Он бы сказал: в каждой избушке свои погремушки.

– Ну, давай за избушки. Твоя вон какая хорошая. А за погремушки не будем.

Чок по форме звонким «дзинь» получился.

– Не знаю, зачем тебе это рассказываю. Я о себе никому не рассказываю. Хотя нет, сегодня рассказывал пассажирке в поезде.

– Ничего себе – никому не рассказывает, вот только подруге старой да пассажирке в поезде.

– У нее сын даун. Взрослый уже. Вместе ехали. Она ему хотела кораблик на Адмиралтействе показать.

– Значит, ему тоже рассказывал.

– Кстати, да. Но он не слушал.

– А как твоя дочь относится к твоим способностям?

– Ты думаешь, я только тем и занимаюсь, что демонстрирую свои способности? Да никак не относится. Спокойно относится. Я не из тех, кто ее удивить может. Даже если бы я по воде пошел аки посуху, она бы к этому спокойно отнеслась...

– Но по воде ты все-таки не пойдешь, так что, как она отнеслась бы к твоему по воде хождению, это опять из области предположений, и только.

– Да, только что спектакль про чудеса показывали.

– Ты говорил, про сперматозоиды.

– Я не понял, про что. Слушай, Марин, а ты действительно в телепатию веришь?

– Почему в телепатию?

– Ты же меня про телепатию спрашивала.

– А я, знаешь ли, вообще легковерная. Я во все могу поверить, – отвечает Марина, и, поскольку молчит Капитонов, она добавляет – негромко: – Я и в скобки могу поверить, в фигурные.

– Во что поверить?

– Да так, свои погремушки...

Оба молчат.

– Ты что-то сказала, а я не понял.

– Видишь ли, я не встречала пассажиров в поезде и даунов, которым можно рассказывать очень личное. Ну вот ты только. А больше мне некому. Я до сих пор об этом ни с кем не говорила. Вообще ни с кем.

– О чем?

Она допивает вино в бокале, переставляет солонку с места на место, а потом глядит прямо в глаза Капитонову.

– Поправь меня, если я неправа, – говорит Марина. – В математике используют фигурные скобки, да? Ну, вот такие, – изображает пальцем в воздухе. – Не квадратные. Их еще Лейбниц ввел. Правильно я говорю?

– Я не в курсе про Лейбница. Может, и он. Почему бы и нет.

– Он, точно он. Я интересовалась. Объясни мне, они для

чего?

– Ты знаешь, кто ввел в математике фигурные скобки, и не знаешь, для чего?

– Я же ими не пользуюсь. Только не говори мне, что это из школьной программы.

– А зачем тебе?

– Так.

– Так? Ну, раз так, значит так... Скобки, говоришь... Для чего же нужны в математике скобки? Чтобы в себя заключать. Сначала заключают в круглые скобки, а то, что содержит заключенное в круглые, заключают в квадратные, а то, что содержит заключенное в квадратные, заключают в фигурные. Если строго сказать, вид скобок отвечает уровню вложенности.

– Есть такое слово, вложенность?

– Вложенность, – повторяет Капитонов. – Фигурные скобки отвечают третьему уровню.

– А четвертому что отвечает? А пятому? А шестому?

– Можно и дальше нагромождать фигурные скобки, но обычно до этого дело не доходит.

– Почему не доходит?

– Потому не доходит. Потому что мы любим компактность. Лапидарность.

– Не уверена, – говорит Марина.

– В чем? – не понимает Капитонов.

– В общем, они защищают. Я так и думала, как ты сказал.

- Что я сказал? Кого защищают?
- И потом, ты очень хорошо это сказал: вложенность.
- Мариночка, мы о чем?
- Можешь подождать пару минут? Я сейчас кое-что тебе принесу.

Марина уходит за дверь. Капитонов из крошек слагает квадратик. Похоже, она стремянку взяла и лезет на антресоли.

23:29

– Это Костины записи, Женя. Это то, что он писал незадолго до гибели. Их никто не видел, кроме меня, никто не читал. Только я. Никто не догадывается об их существовании. Даже мой муж. Не знаю, должна ли была я показать это следователю, наверное, правильно сделала, что не показала, следствию это не помогло бы, еще вопрос, куда бы они стали копать.

Зеленая тетрадь, обернутая в прозрачный полиэтилен, все еще остается в ее руках.

– От меня он это скрывал, – продолжает Марина, – хотя я видела, что он пишет, но мне и в голову не могло прийти, что. Я думала, это все по работе. Мне только непонятно было, почему он пишет от руки, мы уже давно никто рукой не царапаем, ты же не пишешь рукой? И он обычно сидел за компьютером. А тут вдруг стал – так.

Марина ждет, что он что-нибудь скажет, но поскольку Капитонов молчит, она добавляет:

– Это очень специфический текст.

– Что-нибудь связанное с математикой? – спрашивает Капитонов.

– Да, там есть, есть о вашем Бюсте, но не так много, есть о том, чем вы там занимались... про продукты питания, например, про эти ваши... пельмени...

– Про какие пельмени?

– Рыбные, ты не помнишь уже. Вы чем-то там занимались, какими-то вычислениями, распределениями, тебе лучше знать. Я же ничего не смыслю в этой вашей математической статистике... Ну, там про... факторные контрасты и все такое... Знаешь, это очень непростой текст, но я знаю его почти наизусть.

– Там, значит, выкладки?

– Как ты сказал?

– Там формулы?

– Зачем формулы? Никаких формул нет. Только слова. О жизни. Но как-то очень не по-человечески. Или, может, по-человечески, но как-то на Мухина не похоже. Он ведь другой был, абсолютно другой. Ласковый, приветливый, остроумный. Он ведь не был уродом, правда? Я не про внешность.

Капитонов находит правильным промолчать.

– Он же никому не завидовал. Он же тебе не завидовал?

– Мне?

– Вот и я про то. Или это у всех в головах так? Я живу с мужем, он хороший, а в голове у него, может быть, черт знает что? Или у тебя, я же не знаю, что у тебя в голове. Вот тебе все что-то кажется. Может, ты тихий маньяк, а я и не знаю. Я только о себе могу определенно иметь представление. У меня в голове полный порядок. Вот это и пугает больше всего. Может, это я ненормальная?

– Ты абсолютно нормальная. И чтобы тебя успокоить, я тебе признаюсь, что и в моей голове полный порядок. Если что-то и не так с моей головой, то это... исключительно что уснуть не могу...

– Я тебе валокордин дам, бутылочку, только напомни.

– Хорошо, спасибо, напомню. А как у вас такси вызывают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.